

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

На ловца
и зверь бежит

АСТ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

На ловца и зверь бежит

«Научная книга»

Серова М. С.

На ловца и зверь бежит / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

В крупной торговой компании пропали важные документы, способные серьезно скомпрометировать ее генерального директора. Частный детектив Татьяна Иванова занимается поиском и выясняет следующее. Бумаги похитила бывшая любовница главы фирмы и передала материалы репортеру, чтобы тот подготовил разгромную статью в газете. Татьяна отправляется к журналисту и находит его труп. Дело оказалось куда сложнее: теперь Иванова поняла, что она не единственная, кто охотится за этими документами...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

На ловца и зверь бежит

Глава 1

– Не правда ли, странное совпадение: обе летим из Парижа, обе из Тарасова, обеих зовут Татьянами... – коралловая улыбка моей собеседницы обнажила ослепительный ряд фарфоровых зубов.

Любое совпадение в нашем мире упущенных возможностей действительно кажется странным, как будто еще раз на практике подтверждается сумасшедшая гипотеза о пересечении двух параллельных прямых. Моя попутчица усердно налегала на красное вино, которым ее снабжала предупредительно-любезная стюардесса.

Поначалу тихая и задумчивая, почти отрешенная, она становилась все более разговорчивей, хотя стиль ее общения диктовался не столько желанием обменяться мудрыми или вздорными наблюдениями, оценками, точками зрения, сколько стремлением выглянуть в глазах собеседника неразрешимой загадкой. И тем не менее это была ходячая Мона Лиза, супер-Джоконда, ибо улыбались не только ее глаза и рот, улыбалось все ее тело, сильное и холеное, ее точеные запястья в золотой паутине браслетов, ее колени и негромкий, но глубокий голос, который не раздевал слова до звонкой наготы, но точно пеленал и укутывал их в бесцветную вату равнодушия.

– А чем вы, собственно, занимаетесь?

Моя соседка попыталась проявить ко мне интерес, но я чувствовала, что в ее замутненном алкоголем сознании я пребывала в качестве неброского пятна.

– Ничем из ряда вон выходящим, собираю информацию для одной фирмы.

– Доходное дело? – моя собеседница, очевидно, утвердилась в намерении продолжать словесный пинг-понг.

В ответ я лишь неловко улыбнулась и неопределенно пожала плечами: мол, день на день не приходится. Она понимающе взглянула на меня и, извинившись, встала, что позволило мне оценить всю зрелую красоту ее фигуры: тонкая талия, пышная грудь, крутой изгиб бедер. Узкая черная юбка так плотно облегла ее соблазнительные ягодицы, что казалось, вот-вот лопнет по швам. Пользуясь счастливым случаем поделиться своим горьким жизненным опытом и загубленными сладкими иллюзиями с незнакомым, в первый и, вероятно, в последний раз увиденным человеком, Татьяна рассказала мне, что она любовница крупного бизнесмена, весьма наглого и отталкивающего типа, который тем не менее спонсировал ее запланированные покупки и незапланированные вояжи.

Ну что ж, у сего «нахала» и «скупердяя», как его именовала «Мона Лиза», отличный вкус: с такой дамой, как она, не стыдно появиться в обществе, ей пойдет как деловой строгий костюм, который только подчеркнет обаяние ее царственной женственности, так и самое откровенное декольте, дорогие меха и украшения. Она просто призвана служить великолепной вывеской финансового благополучия ее содержателя.

Даже в изрядном подпитии, когда жесты большинства людей становятся расхлябанно-неуклюжими и резкими, «Мона Лиза» сохраняла неспешный такт и грациозное равновесие. Чуть пошатываясь, она, словно играючи облачиваясь ладонью об углы спинок кресел, переходила от одного к другому. При каждом толчке ее рука скользила вниз, она обворожительно и высокомерно улыбалась, сознавая свое природное превосходство перед полчищами «серых мышек» и дурнушек и кокетливо отмечая любые подозрения трезвых пассажиров относительно ее «неординарного» состояния.

Когда «Мона Лиза» вернулась из туалета и плавно опустилась в кресло, я сидела, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. Я повернула голову: ее бледный точеный профиль вновь поразил меня своим благородным изяществом. Я наблюдала, как нарастает ее опьянение, развязывая ей язык, заставляя ее красиво очерченные губы надолго застыть в полуидиотской мечтательной улыбке. Слегка подведенные плутовские глаза Джоконды с каким-то бессмысленным вниманием вперялись в очередной порожний фужер, который она вертела так и сяк, зажав его тонкую стеклянную ножку между большим и указательным пальцами.

Когда она наконец, не поворачивая анфас своего лучезарно-блаженного лика, скосила глаза в мою сторону, мне показалось, что взгляд ее скользит мимо меня, уплывая назад и вправо.

– А вы совсем не пьете? Я вот решила немного расслабиться. – Она неожиданно подалась вперед, ткань ее клетчатого пиджака из тонкого джерси отогнулась, обнажив верхнюю часть груди.

Блестящие каштановые пряди на миг закрыли ее правильный нос и слегка выступающие скулы. Я могла противопоставить ее опьянению рубиновой жидкостью и своему – недельными каникулами с Эриком в Париже – только трезвую прохладу апельсинового сока.

Стюардесса принесла его, стоило мне только нажать на кнопку вызова и сделать заказ. Великолепный западный сервис.

– Но я не сказала самого главного! – спохватилась моя сумасбродная попутчица.

Она резко выпрямилась, загадочно улыбаясь и рассыпая золотые искорки лукавого взгляда.

– Моего любовника, представьте себе, шантажируют... Не то чтобы он потерял аппетит или лишился сна, но я вижу, это для него очень неприятно. Иногда мне кажется, что он даже боится. Порой мне жаль его, но чаще я говорю себе: брось, пускай он сам о себе позаботится, у тебя в магазине дела идут как по маслу, на остальное – наплевать!..

Ну, конечно, живет она с ним в основном из-за денег. Не исключено, что и у нее есть определенная потребность в человеческом тепле, дружбе, понимании, но главный мотив – обеспеченная жизнь, хорошая работа, которую ей дал ее богатый любовник...

Директриса крупного магазина – неплохо для начала, тем более что она со своим спонсором познакомилась совсем недавно. Конечно, ее последнюю реплику можно списать на порыв пьяной откровенности. В одних алкоголь пробуждает безудержное веселье, других провоцирует на дебош и разборки, третьему дает шанс убежать от проблем, от надоевшего человека или себя самого, в четвертом рождает глупый энтузиазм неразборчивой любви ко всему и всем. Почти везде спутником рюмки является неукротимая спорадическая болтливость. Здесь моя тезка неоригинальна.

А все-таки глупый цинизм ее заключительной фразы говорил против нее. Под шелковистой шкуркой домашней кошки я почувствовала вероломство тигрицы. Моя непрощенная собеседница принадлежала к тем женщинам, которые в минуты наивысшего подъема страсти незыблемо хранят в тайниках своего существа лед спокойного отчуждения, позволяющий им после всех вакхических взрывов и извержений с холодным безразличием одиноко курить у окна, губкой молчания стирая свои воспоминания. Хотя их прошлое – свежее парное молоко... Эта морозная игла отстраненности являлась магической осью, вокруг которой вращалась бархатная вселенная обаяния «Моны Лизы». Противоречивость реакций, мимики, характера составляла основу ее обволакивающего шарма. Мы еще некоторое время поговорили о том, о сем, пока моя соседка не задремала.

Эрик, Эрик... Мне даже не нужно опускать веки, чтобы видеть тебя, перед моими глазами по-прежнему жемчужно-серое парижское небо, подернутая нежной рассветной дымкой Сена, набережная Вольтера, где я и ты, забыв обо всем на свете, провели чудесные семь дней!

Это была идея моего русского американца – встретиться в «столице мира». Обилие достопримечательностей, перед которыми вначале широко и удивленно распахивались мои глаза, под конец стали вызывать легкое раздражение... Меняхватило только на четыре дня, остальные три я посвятила заповедным уголкам лица и тела Эрика, чем осталась совершенно довольна.

Представляю: в Москве и в Тарасове дождь осенний, серый, унылый, в рябых лужах вечерние огни, усталые озабоченные лица прохожих, несносные таксисты у аэровокзала... Единственное, что меня успокаивало, – Эрик дня через три-четыре обещал прилететь в Москву, а потом на пару дней заскочить в Тарасов.

* * *

Я окинула взглядом салон самолета. Примерно половина пассажиров дремала, другая половина невозмутимо болтала. Летели в основном мои соотечественники, если не считать нескольких иностранцев. Прямо напротив нас, по другую сторону салона, чернокожий и бело-зубый сын Африки что-то напряженно подсчитывал на миниатюрном калькуляторе, изредко дружелюбно поглядывая в нашу сторону.

Я взглянула на часы: оставалось чуть больше получаса лета. Почувствовав легкий голод, я заказала сэндвич с ветчиной. Моя соседка продолжала мирно покоеиться с закрытыми глазами в кресле. Обстановка в салоне была совершенно непохожей на ту, которую я наблюдала во время полета в Париж. Дело в том, что самолет тогда попал в изрядную болтанку, и российские нувориши как сумасшедшие метались от бутылок со спиртным к туалету. Я чуть со смеху не померла, видя, как эти обладатели целых состояний в один миг утратили остатки самообладания. Лишь небольшая горстка пассажиров сохраняла гражданское и человеческое достоинство, продолжая сдержанно обмениваться репликами или молча сидеть и почитать журналы и газеты.

Эта картина живо напоминала мне театр абсурда, на представление которого в Париже водил меня Эрик. С одной стороны, суетящаяся толпа перепуганных богачей, с другой – чрезмерно, для такой ситуации, спокойные *homo sapiens*'ы, которые, казалось, с непоколебимым хладнокровием могли бы подняться на эшафот, не утратив гордого остроумия и наплевательского отношения к угрозам «курносой».

Мы благополучно приземлились в Шереметьеве-2. Моя попутчица, немного протрезвев, сосредоточенно молчала, наверное вспоминая, не сказала ли она чего лишнего. Миновав длинный застекленный коридор, мы оказались в здании аэровокзала. Светились электрические табло, человеческий муравейник сновал туда-сюда, женский голос, смазанный плохой акустикой, объявлял о прибытии и отбытии самолетов.

Гремучее эхо лавиной обрушивалось на пассажиров, дробилось о стены, отшвыривая внимание и память людей в пределы раздражающей путаницы и неразберихи. Японка, летевшая нашим рейсом, наконец встретилась с ожидавшими ее японцами. Воскрешая сумрачную и грандиозную эпоху самураев, она бухнулась на колени, приветствуя двух мужчин и одного ребенка мужского пола. Что за дурацкий обычай!

Москва встретила нас морозящим дождиком и наглухо задраенными пунктами обмена валюты. Я все-таки нашла одного неказистого на вид мужичонку, который обменял мои 50 баксов на «капусту» по курсу, утешительному для держателей долларов и убийственному для простых «рублевых» граждан.

Мы решили с Татьяной разделить поровну бремя расходов по проезду в город. Таксисты ломили несусветные цены. Столковавшись с одним на взаимовыгодных условиях, мы, бросив сумки в багажник, усадились на заднее сиденье желтой «Волги». Татьяна собиралась пробыть в Москве до конца недели, а я планировала добраться до Тарасова поездом. Черный шлейф

дороги был усыпан огнями фар, которые шарили по мокрому асфальту, выбрасывая вперед и назад свои желтые, по-стариковски дрожащие руки. Татьяна попросила посадить ее у станции метро «Комсомольская». Распрощавшись друг с другом без особой теплоты и душевности и даже не обменявшись координатами, мы последовали каждая своим маршрутом.

Без труда купив купейный билет до Тарасова и некоторое время потусовавшись на Павелецком вокзале, я села в поезд, нафаршированный усталыми «челноками» и их неподъемной кладью. Одни шумно разговаривали, другие уже вынимали из пакетов и сумок провизию, дабы восстановить физические силы, лихо растраченные ими в беготне по «сказочным» рынкам столицы.

Прикинутая по последней парижской моде, с сумкой «Duty free» через плечо, я чувствовала себя заморской белой вороной. Ничего, как-нибудь перекантуюсь, всего одна ночь – и я в Тарасове.

* * *

В Тарасове было чуть теплее, чем в Москве, но оцинкованное неподвижными серыми тучами небо не давало вздохнуть в полную грудь. Мне изрядно надоели услужливо-хищные таксисты, и я решила воспользоваться самым заурядным троллейбусом, который не заставил себя долго ждать. Я замерла на задней площадке и опустошенно уставилась в окно, стараясь не замечать обычной утренней толкотни. Люди покорными косяками шли на работу. Их унылые, бледные лица и плоские силуэты, минуя мое сознание, тут же соскальзывали в мертвое осеннее забвение.

* * *

Толком не выспавшаяся и раздраженная, я тем не менее быстро поднялась по лестнице, нетерпеливо предвкушая отдых и горячую ванну. Но, открыв дверь, я первым делом рванулась к агонизирующему телефону. Раскаленный корпус буквально трещал по швам от разрывавших его звонков.

– Алло, – я не узнала собственного голоса.

– Алло, здравствуйте, могу я услышать Иванову Татьяну?

– Это я, слушаю вас внимательно.

Остатки сна и раздражения мгновенно улетучились.

– Меня зовут Шарков Эдуард Игоревич. У меня к вам неотложное дело. Хотелось бы встретиться, разговор не телефонный, вы меня понимаете?

Его приятный баритон излучал спокойную решимость. Голос вполне разумного человека.

– Как вы узнали мой телефон?

– От приятеля. Он весьма высокого мнения о ваших сыскных способностях.

– Хорошо. Приезжайте. Только давайте уточним время. Часа в два вас устроит?

– Нормально.

Я назвала свой адрес Шаркову Эдуарду Игоревичу и, повесив трубку, с большой неохотой принялась перекраивать в уме свой дневной распорядок. Конечно, две-три фразы мало что значат в сфере человеческого общения. С другой стороны, если бы люди, не полагаясь на свое внутреннее чутье, прежде чем вступить в контакт с человеком, пытались бы сначала собрать о нем возможно больший объем информации, они, ввиду того, что сбор интересующих сведений потребовал бы значительного времени, просто шарахались бы друг от друга, не смея довериться своему непосредственному впечатлению.

Эдуард Игоревич был загодя мне симпатичен, хотя истинность моего интуитивного расположения к нему нуждалась в проверке. Возможность такой проверки мне предоставится

ровно в два часа пополудню. А что говорил мой нюх опытной ищейки? Дело наверняка серьезное. Судя по его интонациям, Эдуард Игоревич не производил впечатления суетливого человека. Скорее всего бизнесмен. А может... Да ладно, черт с ним, надо же и о себе подумать. Я сняла плащ и отнесла сумку в спальню. Переодевшись в домашнюю амуницию, я достала из шкафа чистое белье, полотенце и направилась в ванную.

Горячая вода, морская соль и сладкий абрикосовый гель вернули меня к жизни. Высушив голову феном и наложив на лицо дневной крем, я занялась приготовлением завтрака. Яичница с помидорами, пара йогуртов и чашка кофе. Потом я вернулась в гостиную и, вытянувшись на диване, решила немного вздремнуть. Но вместо того чтобы, как говорится, спать вполглаза, я провалилась в какое-то тревожное сонное оцепенение, из которого меня вывел резкий звонок в дверь. Я вскочила, взглянула на часы: четырнадцать ноль одна.

Зевнув и пригладив волосы, я кинулась открывать. Предчувствие меня не обмануло: Эдуард Игоревич был солидным мужчиной лет сорока, с лукавым взглядом близко посаженных карих глаз. Высокого роста, довольно плотный, со здоровым цветом лица, массивным подбородком и гладкой кожей, он производил впечатление уверенного в себе и знающего толк в жизни человека.

– Еще раз здравствуйте, – приветливо сказал он.

Я всегда досадовала на то, что, прежде чем приступить к делу, приходилось выполнять весь этот церемониал приветствия, приглашения, предложения кофе, сигарет и т. д. Он вошел, снял свое фетровое кепи, бежевую куртку из микрофибры и, аккуратно пристроив свои доспехи на вешалке, вежливо и благодарно внял моему приглашению пройти в гостиную и сел в предложенное кресло.

Я предупредительно принесла пепельницу, поставила ее перед ним на журнальный столик и приземлилась в кресло напротив.

– Я пришел к вам за помощью по одному щепетильному вопросу. Вот только захотите ли вы мне помочь?

Он достал пачку «Мальборо» и вынул из нее две сигареты, одну из которых предложил мне. Я вежливо отказалась.

– Утвердительно или отрицательно ответить вам я смогу только после того, как выслушаю вас. Не будем терять времени, говорить обиняками, люди мы деловые, знаем цену часам и минутам.

Прежде чем перейти к повествованию, Эдуард Игоревич закурил, и по легкой дрожи его пальцев я поняла, что под оболочкой философского спокойствия таится вполне понятная тревога. Его взгляд неопределенно устремился в потолок, потом, подобно часовой стрелке, сделал круг и уперся в поверхность стола. Глухо кашлянув и собравшись с мыслями, он наконец заговорил:

– Мне нужно найти документы, очень важные бумаги... Чтобы вы могли оценить всю их важность, я должен ввести вас в курс дела. Не знаю, слышали ли вы о торговой компании «Авторитет». В настоящее время это целая империя с сетью многочисленных магазинов. Направление деятельности – торговля всем и вся, начиная с косметики, кончая холодильниками и чем угодно еще.

Ну так вот. Когда все начиналось, нас было двое, я и нынешний генеральный директор Гарулин Аркадий Вадимович. Пай у нас был неравный, в соотношении один к двум. Идейным руководителем являлся он, но я тоже вложил немало средств и времени в наше дело. Кухня была как бы одна, но я знал, что Аркадий на свой страх и риск проводил кое-какие операции, не ставя меня в известность. Я смотрел на все сквозь пальцы, хотя от меня не укрылось, что и менеджеры, и бухгалтеры зачастую извлекали свою выгоду из нашего предприятия.

– Они обманывали вас? – спросила я прямо.

– У меня был свой фронт работы. Я, честно говоря, старался не лезть не в свои дела, ради своего спокойствия игнорировал эту грязную возню. Может, я и сам виноват... – Эдуард Игоревич выпустил струю дыма в потолок, почесал лоб и, вздохнув, продолжил: – Проработав пять лет, я решил уйти из «Авторитета» и при этом должен был получить солидную денежную сумму...

– Но если дела у компании шли, как я поняла, неплохо, осмелюсь спросить, – сказала я с напускной вежливостью, – почему вы решили уйти?

– Одна из причин заключается в том, что, едва возникали какие-нибудь проблемные ситуации, Гарулин перекидывал ответственность на меня, и я должен был сглаживать острые углы, возникавшие из-за его непродуманного руководства. Иной раз он принимал решение не под давлением обстоятельств, не в результате здоровой оценки создавшегося положения, а под воздействием своих внутренних интересов, комплексов, детских обид и даже возможности отомстить кому-то, хотя плоды этой мести часто оказывались горькими. Когда же мне удавалось сделать что-то полезное или просто уладить какой-то конфликт, заслугу он бесцеремонно присваивал себе.

Чтобы перечислить все причины, понадобилось бы слишком много времени. Добавлю лишь, что он всячески ущемлял мои интересы. А тут представился случай самому открыть дело, и я решил этим воспользоваться и забрать свою долю из «Авторитета», – Шарков положил потухший окурок в пепельницу, – и когда сообщил об этом Аркадию, он, как мне кажется, затаил обиду. Вообще он считает, что все ему чем-то обязаны. Без сомнения, мои первые деловые знакомства, связи, партнерства сложились благодаря ему, но потом многие наши партнеры предпочитали иметь дело со мной, потому что я умел договариваться, уважая интересы других. В итоге, не говоря уж о дивидендах, я не получил даже своего пая.

– Позвольте задать вам вопрос: ваши отношения с Гарулиным были оформлены официально? Если я вас правильно поняла, вы хотите с моей помощью вернуть свои деньги?

– Да, речь, безусловно, о деньгах, но, хотите верьте, хотите нет, никаких письменных договоров или соглашений между нами не было – все на словах, на дружеской основе и ручательстве.

– Как-то это не очень вяжется с моим представлением о бизнесе. Дружба дружбой, а служба службой. – Я без особой охоты процитировала народную мудрость и в упор посмотрела на Эдуарда Игоревича, который намеревался закурить вторую сигарету. Он отвел глаза в сторону, прикурил и, не глядя на меня, заметил:

– Со стороны судить легко.

– Я не сужу вас, избави бог. У меня нет на это никакого права, да и не должна я этого делать – ведь вы мой потенциальный заказчик. Поймите меня правильно, я просто хочу знать все обстоятельства и детали дела.

Моя дипломатическая гибкость всегда боролась с моим идиотским правдолюбием, сосредоточившим в своих руках арсенал хлестких, но не всегда уместных вопросов «в лоб».

«Ладно, ладно, не гони, – успокаивала я себя, еле сдерживая неподдельный интерес. – Мистика какая-то, бизнес на доверии!»

– Благодаря Гарулину я познакомился с большим количеством самых разных людей, от которых многое, если не все, зависит в Тарасове. Неудобно было демонстрировать ему свое недоверие, подписывать какие-то бумаги... Оставим это. Я знаю, что Гарулин занимался не совсем легальной деятельностью, – Шарков непроизвольно понизил голос.

– Что вы под этим подразумеваете? – я снова прямо взглянула ему в лицо.

– Во-первых, – он откинулся на спинку кресла, удобнее устраиваясь в нем, – администрация всех магазинов была дана команда не показывать всю выручку по кассе. Во-вторых, и это главное, благодаря связям в областной думе он не так давно взял кредит в Сбербанке – один миллион долларов, такие кредиты дают далеко не всем. По общему согласию заинтересован-

ных сторон подразумевалось, что отдавать этот кредит никто не будет. Пару раз он выплатил проценты по кредиту, а за это время переоформил компанию вместе с долгами на своих приятелей, которых отправил кого в Штаты, кого в Израиль – концы в воду. Сам открыл новую компанию под названием «Раритет». Конечно, поделился с кем надо. В общем, обокрал, говоря нормальными словами, государство. Да сколько всего было...

Есть документы, с помощью которых я мог бы его прижать и потребовать свою долю, но они пропали во время недавней вечеринки из стола главного бухгалтера. Это я уж потом узнал от «моих» людей.

– Не могли бы вы поподробнее рассказать, что представляют собой эти документы.

– Ну, там были платежки, реальные прайс-листы, договоры с поставщиками и тому подобное – они находились в пластиковой синей папке.

– Понятно. А вы не пытались потребовать у Гарулина свою долю?

– Конечно, пытался. В принципе он мне в открытую не отказывает, но, кроме пустяковой суммы, которая составляет меньше половины моего паевого взноса, я ничего не получил. А когда я попытался надавить на него, он пригрозил мне расправой. Если бы у меня были эти бумаги, я смог бы получить причитающуюся мне долю, а она сейчас составляет около полумиллиона долларов. Найдите мне эту папку, и кроме вашего гонорара я отдам вам пять процентов от этой суммы в качестве вознаграждения. Естественно, безо всяких налогов. – Он пристально посмотрел на меня, ожидая, по всей видимости, мгновенной реакции, свидетельствующей об эффекте, произведенном названной суммой.

Но я, ничем не выдавая своей заинтересованности, хранила невозмутимость мраморной статуи, хотя двадцать пять кусков на дороге не валяются.

– Очень соблазнительно, – улыбнулась я, – но мои обычные расценки – двести долларов в сутки плюс расходы, ладно, об этом после, а сейчас мне необходимы еще кое-какие сведения.

Шарков поднял на меня вопросительный взгляд.

– Перечислите мне всех, кто был на вечеринке в тот день, когда пропали бумаги.

– Вот, – Шарков полез в карман и протянул мне сложенный вчетверо лист бумаги, – я подготовил список, всего было семь человек.

– Очень приятно работать с предусмотрительным клиентом. – Я развернула листок и пробежала глазами список, там были имена, адреса и телефоны.

– Эдуард Игоревич, а не могли бы вы дать краткие характеристики каждого из этих людей?

– Конечно, могу. Ну, Аркадия я вам уже немного обрисовал, можно только добавить – это, конечно, не относится к характеру, – что у него есть еще так называемая служба безопасности. Ее начальник, некий Сергей Люкин по кличке Люк, дважды сидел, и его команда под стать ему.

Так, дальше... Козлова Вера Степановна, главный бухгалтер, мы ее взяли спустя год после образования фирмы, очень знающая женщина, по работе никогда никаких нареканий. Семья, дети, внуки...

Следующая – Синчугова Галина, директор одного из магазинов, бывшая любовница Аркадия, взбалмошная, высокомерная девица, работает у нас около года, с тех пор как ее подцепил Гарулин. Хотя она довольно эффектна, но Андреевой – это новая любовница Аркадия – она в подметки не годится. У этой масса шарма и обаяния, и хотя она старше Синчуговой, но по всем показателям дает ей фору, не говоря уж об умственных способностях. Она работает в филиале, и я ее не очень хорошо знаю.

Шарков закурил новую сигарету и на мгновение задумался. Воспользовавшись паузой, я тоже достала пачку «Кэмела», настоящего американского «Кэмела», крепкого и ароматного (то, что продают у нас, напоминает «Кэмел» лишь верблюдом на пачке). Дав мне прикурить от серебряного «Ронсона», Эдуард Игоревич продолжал:

– Так, Пуговицын Василий – менеджер по маркетингу, признанный интеллектуал нашей компании, не учредитель, но несколько акций имеет. С виду беззлобный и простодушный, но, по-моему, себе на уме.

Игорь Сидоренко – менеджер по персоналу, молодой исполнительный парень, работоспособный, требовательный, но в некоторых случаях чрезмерно амбициозен.

Рашид Рахмонов – начальник статистического отдела, компьютерный профессионал, вездливый и дотошный, довольно злопамятный человек. Вот в принципе и все, если коротко, – подытожил Шарков, гася окурок в пепельнице.

Пригладив волосы и снова подняв на меня взгляд своих карих глаз, он с надеждой спросил:

– Ну что, беретесь?

«Что я, идиотка, отказываться от таких денег», – подумала я про себя, а вслух произнесла:

– Постараюсь вам помочь, но хочу предупредить, что мне нужен аванс за три дня.

– Само собой, – Шарков достал из кармана портмоне, отсчитал шестьсот долларов и положил на стол.

Из другого отделения портмоне он достал визитную карточку и протянул ее мне.

– Вот здесь мои реквизиты, при необходимости звоните. Разрешите откланяться.

Он тяжело поднялся и направился в прихожую.

– Я надеюсь, вы будете держать меня в курсе расследования.

– Конечно, Эдуард Игоревич, – ответила я и, попрощавшись, захлопнула за ним дверь.

Глава 2

Я открыла глаза и посмотрела на круглые часы, висевшие на стене: восемь ноль две. Обычно я ошибаюсь не больше чем на минуту, когда программирую себя на определенное время; в этот раз, очевидно, сказалась трехчасовая поясная разница между Парижем и Тарасовым. Моя антикварная кровать не хотела выпускать меня из своего шелкового плена, и я позволила себе еще три минуты блаженного ничегонеделания. Пока я готовила кофе, список участников вечеринки в «Авторитете», после которой исчезли документы, стоял перед моим внутренним взором, не мешая мне, впрочем, заниматься обычными утренними делами.

Кофе был великолепен. Насладившись его горьким вкусом и чудесным ароматом, я про себя поблагодарила знакомую колдунью с острова Калимантан, преподнесшую мне в дар пятикилограммовый мешок коричневых зерен этого божественного напитка, придающего бодрость и хорошее настроение.

Я пила его маленькими глотками, с удовольствием перекачивая во рту обжигающую душистую жидкость.

* * *

Итак, мы имеем семерых, включая Гарулина, которые могли, воспользовавшись ситуацией, стянуть документы из стола главного бухгалтера. Сначала я вычеркнула самого Гарулина, так как если бы это он украл с целью скрыть следы своего мошенничества, то было бы логичным заявить о краже в милицию, но этого сделано не было, и поэтому из возможных похитителей я его исключила. Вторым вычеркнутым подозреваемым стала главбухша Козлова – большой стаж работы и предпенсионный возраст этой женщины, обремененной семьей и внуками, не позволили бы ей пойти на такой рискованный поступок.

Оставалось пять человек, каждый из которых с большей или меньшей степенью вероятности мог оказаться вором. Не мудрствуя лукаво, я достала замшевый мешочек с додекаэдрами – двенадцатигранными костями с числами на каждой грани. На первой косточке – от одного до двенадцати, на второй – от тринадцати до двадцати четырех, на третьей – от двадцати пяти до тридцати шести.

В наше время многие люди не хотят верить магам и колдунам, ясновидящим и экстрасенсам (астрологические прогнозы наверняка слушает или читает каждый), называя их шарлатанами и обманщиками только потому, что современная наука не создала еще приборов, способных измерить энергию человеческой мысли или излучение, исходящее от растений и животных, хотя за десятки веков до Рождества Христова посвященные в Индии и в Египте, не вдаваясь, может быть, в суть происходящих процессов, могли общаться с космическим Разумом.

Мои двенадцатигранники не раз помогали мне и в расследованиях, и в житейских ситуациях, выбирая из тысяч возможных комбинаций одну, которая отвечала на поставленный вопрос иногда дословно, иногда иносказательно, а иногда и иронически.

Мысленно разделив пятерку оставшихся подозреваемых на женщин и мужчин и сформулировав вопрос по поводу последних, я метнула кости. Выпало 5+24+28. Эта комбинация означала, что результат будет пустой. Ответ яснее ясного, не требующий никакой расшифровки.

Остались две дамочки: Синчугова – директор магазина «Найс» и Андреева – директор филиала «Авторитет». Первой по списку шла Синчугова, и, мысленно сосредоточиваясь на ней, я снова бросила двенадцатигранники. 9+21+34. «Звезды обещают успех».

Значит, украла Галина Синчугова, бывшая любовница Гарулина. Его нынешняя пассия – Андреева – на шесть лет старше ее и, судя по тому, что Гарулин назначил ее директором филиала, умная и опытная женщина, но меня сейчас интересует не она.

* * *

Большие серые тучи за окном гонялись одна за другой, то заслоня боками солнце, то позволяя его лучам пронзать свои рыхлые тела и веселыми зайчиками бегать по стенам, столу...

Натянув узкие темные джинсы и тонкий кашемировый джемпер, я открыла сумку, стоявшую неразобранной со вчерашнего дня, и достала подарок Эрика – настоящую кожаную «харлейку» со множеством замков и карманов – очень удобная штука для частного детектива: все свои сыщицкие прибаамбасы, включая газовый баллончик, отмычки, иглу с сонным ядом и леску-удавку, я разместила в ней совершенно незаметно для постороннего глаза.

Под куртку – наплечную кобур с пистолетом Макарова, зарегистрированным в соответствующих органах. Со дна сумки достала маленький пластиковый пакетик с радиомикрофонами, способными передавать сигнал на весьма приличное расстояние, вынула пару и сунула их в карман. Потом подошла к телефону и набрала номер магазина. Трубку сразу же сняли:

– Магазин «Найс», – ответил вежливый мужской голос.

– Доброе утро. Скажите, Синчугова работает?

– Да, она в торговом зале, сейчас я ее приглашу.

– Не беспокойтесь, мне нужно ее увидеть, я просто хотела узнать, на месте ли она. До свидания.

Положив трубку, я подошла к зеркалу, висевшему в прихожей. Из него на меня смотрела стройная молодая женщина двадцати семи лет. Поправив прическу, я вышла на улицу. Я не стала брать машину, стоявшую во дворе, на стоянке, решив, что небольшая утренняя прогулка пойдет мне на пользу.

Синчугова жила в районе Центрального рынка, и через полчаса я стояла перед ее домом. Найдя неподалеку работающий телефон-автомат, я набрала номер ее домашнего телефона и, дождавшись пятнадцатого длинного гудка, повесила трубку. Когда я подходила к дому, старушки, сидящие у соседнего подъезда на единственной лавочке, с интересом проводили меня взглядами. Поднявшись на второй этаж, я нажала кнопку звонка. Никого.

Достав отмычки, я начала заниматься замком. Вдруг внизу хлопнула дверь – кто-то вошел в подъезд. Я успела отпереть замок и нырнуть в квартиру раньше, чем вошедший смог заметить меня.

Первым делом я подошла к телефону, висевшему на стене рядом с диваном, и сняла трубку. Чтобы установить радиомикрофон, пришлось вывернуть и завернуть пару винтов, которыми были скреплены две ее половины. После этого я начала осмотр квартиры Синчуговой в надежде отыскать краденые документы. Отделка и обстановка квартиры были выдержаны в пестрых контрастных тонах и, вероятно, соответствовали характеру ее хозяйки. После часа упорной и кропотливой работы, обшарив комнату, кухню, прихожую, ванну и туалет вдоль и поперек, я поняла, что надеждам моим сбыться не суждено. Я нашла все, что может прятать в квартире рядовой обыватель: сберкнижку со вкладом в триста пятьдесят рублей, паспорт на имя Синчуговой Галины Иосифовны, семьдесят пятого года рождения, даже несколько сто-долларовых купюр на антресолях под банкой с масляной краской – документов нигде не было.

Я еще раз прошла по всем помещениям, проверяя, все ли осталось так, как было до моего прихода, и, убедившись, что все в порядке, вышла в прихожую. Прислушалась. На лестничной площадке было тихо. Я покинула квартиру и двинулась вниз. Старушки, несмотря на довольно

свежий ветер, все сидели на своем наблюдательном пункте. При правильном подходе от них можно услышать массу интересного обо всех жильцах и гостях этого дома.

Я шла по аллее по направлению к центру. Миновав здание цирка, все еще огороженного деревянным забором, хотя его реконструкцию собирались завершить к сентябрю, я вышла на Немецкую улицу, так называемый тарасовский Арбат.

Сколько раз я проходила мимо расположенного на проспекте одного из магазинов компании «Авторитет», даже не подозревая, что когда-нибудь мне вплотную придется заняться его директрисой. Слежка – дело не всегда выигрышное, а зачастую пустое и изнурительное. Подобное сидение на насесте часто раздражало мой воинственный темперамент. Хотя зачастую оно давало возможность испытать силу моего самообладания. Если память мне не изменяет, напротив магазинчика находилось вполне приличное кафе, где можно было перекусить и спокойно выждать, совместив приятное с полезным.

Миновав Вольскую, я двинулась дальше по направлению к улице Горького. В лицо дул омерзительный промозглый ветер, подергивая лужи мелкой дождливой рябью. Подняв воротник «харлейки», я застегнула «молнию» до самого подбородка.

Посетителей в кафе было раз-два и обчелся: молодая парочка, лихо расправлявшаяся с бифштексом и пивом, коммерсант лет сорока пяти, солидный и благонадежный с виду, средних лет, плотная, хорошо одетая женщина, которую можно было принять за преуспевающую бухгалтершу или служащую, и невысокого роста шуплый брюнет в очках, медленно и сосредоточенно пережевывавший пищу.

Я удобно устроилась у окна и заказала котлету по-киевски с жареной картошкой. Подперев голову рукой и не сводя глаз с витрины и двери магазина, принялась ждать. Боковым зрением я видела весело болтающую парочку, чья беззаботность меня забавляла, и худощавого очкарика. От меня не укрылось, что последний, доев свой обед, начал проявлять досадное нетерпение, через каждые две-три минуты поднося руку с часами к близоруким глазам.

Продолжая свои визуальные забавы, я чуть не поперхнулась, увидев Синчугову, выходящую из магазина. Фотографий в ее квартире мне вполне хватило для опознания. Высокий стройный силуэт, затянутый в черный кожаный плащ, стремительно и неуклонно приближался. Когда она была уже совсем рядом, я увидела, что щеки ее лихорадочно пылают от холода и декоративных румян.

Мой цепкий взгляд быстро ухватывал каждое ее судорожное движение. Она двигалась слегка вприпрыжку, не глядя по сторонам, задрав подбородок и озабоченно хмурия лоб. Дойдя до кафе, она резко обернулась назад и через секунду вошла. Обведя глазами внутреннее помещение, она одновременно тревожно и удовлетворенно устремила на очкарика, по всей видимости ожидавшего ее, дерзкий и пристальный взгляд больших темно-карих глаз.

Очкарик покашливал и ерзал, и, как только заметил направлявшуюся к нему Синчугову, вскочил как ужаленный и со смешной и торопливой предупредительностью отодвинул пластмассовое кресло, приглашая Синчугову присесть. Он опустил в несносно скрипучее кресло, и от моего взора психоаналитика, внимательного до тошноты, не укрылись его смущение и досада: он напряженно морщил лоб, как-то виновато взглядывал из-под очков снизу вверх.

Короткая стильная стрижка, пухлые, ярко накрашенные губы и вздернутый нос вкупе с гордой посадкой головы и манерой закладывать ногу на ногу выдавали в Синчуговой взбалмошную капризную особу, ни в чем на знавшую отказа.

Я сидела довольно близко, так что без труда расслышала их скупое взаимное приветствие. Владелец очков и виноватого взгляда положил локти на стол и, низко наклонившись вперед, явил образец настороженного внимания.

– Ну, Виктор, что-нибудь узнали? – высокий голос Синчуговой неприятно резанул слух.

– Кое-что есть, первая, так сказать, наметка, – сконфуженный очкарик немного приободрился.

– Что вы имеете в виду? – с визгливой требовательностью спросила Синчугова.

– Вы же знаете, все мои сознательные усилия ни к чему не привели, но тут, кажется, подвернулся случай, – он понизил голос так, что мне изо всех сил пришлось напрячь слух.

– Виктор, прошу вас обойтись без вступлений. Положение у меня очень шаткое, избавьте меня от лишних фраз.

Синчугова держалась с нервной и нервирующей настороженностью. Выражение ее лица беспрерывно менялось, она нетерпеливо барабанила пальцами по лежавшей у нее на коленях сумочке.

– Я вчера вышел на обед. В редакции никого не было, кроме секретарши. Дошел до забегаховки, полез за деньгами, а кошелек нет – забыл на работе. Пришлось вернуться. Захожу и вдруг слышу за приоткрытой дверью телефонный разговор – Лысенко с кем-то ведет переговоры. Я услышал буквально пару слов, но мне этого вполне хватило, чтобы я смог сделать весьма реальное предположение, что бумаги у...

– Вы хотите сказать, – бесцеремонно перебила его Синчугова, – что это он украл их у вас.

– Получается, что так, – печально констатировал Виктор.

– Как это могло случиться? – ее голос уже истерически дрожал.

– Я работал с ними, пару раз приносил их в редакцию. Он, вероятно, что-то пронюхал, решил разжиться на этом.

– Полагаете, их у него кто-то хочет купить? – Синчугова своими длинными пальцами вырвала из вазочки салфетку и нервно смяла ее.

– А почему бы и нет. Вы же знаете, как они важны и что при случае за них можно получить. – Виктор потер лоб и поправил очки. – Боже, какое недоразумение, – произнес он с горькой досадой.

– Это не недоразумение, – с безжалостным упрямством продолжала Синчугова, делая акцент на отрицании, – а ваша прямая вина. Я даю вам столь ценную информацию, а вы оставляете ее где попало, – теперь уже надменный, визгливый голос Синчуговой трещал от искреннего негодования.

– Я от своей вины не отказываюсь, но все еще можно поправить, – Виктор пытался сохранить остатки трезвого спокойствия.

– Каким образом, интересно? – Синчугова высокомерно вскинула брови.

– Я займусь Лысенко и верну бумаги. Предоставьте действовать мне. Позвоню вам завтра, ближе к семи вечера.

– Помните, эти чертовы документы для меня вопрос жизни и смерти. Просто так расстаться с ними я не могу. От них очень многое зависит.

– Успокойтесь, свяжемся завтра, – Виктор взглянул на часы. – Извините, мне нужно идти.

– Умоляю, найдите их, – тон Синчуговой сбавил надменные обороты, спустившись до плаксивого полутребования-полупросьбы.

– Сделаю все возможное и невозможное. До завтра, – голос Виктора прозвучал твердо, однако без магического энтузиазма.

Он резко встал и, застегнув куртку, направился к выходу. И так же резко, после всего услышанного мной, я должна была теперь сменить объект наблюдения. Проводив очкарика взглядом до двери и выждав минуту, я с деланной неторопливостью поднялась и, даже не взглянув на Синчугову, все еще пришибленно и ошалело сидевшую за соседним столиком, покинула кафе.

Мысленно посылая самую пламенную благодарность костям, которые избавили меня от излишней подозрительности в отношении Пуговицына, Рахмонова, Козловой и иже с ними, работниками бывшего «Авторитета», нынешнего «Раритета», я быстрым шагом, сохраняя тем не менее необходимую дистанцию, следовала за Виктором. Он спешил и ловко обгонял прохожих то слева, то справа. Повторяя его успешные маневры, я слегка сожалела о том, что мне не

удалось нормально пообедать. Хотя подобное сожаление с моей стороны было чистым кокетством, замешанным на шутовском цинизме: ведь я даже не ожидала, что фортуна так скоро одарит меня если не поцелует в чело, то своей лучезарной улыбкой.

Окропленное тихим дождем, поскольку зонт я послала к чертям собачьим, это самое чело светилось надеждой на успех. Темно-синее пятно куртки летевшего по тротуару очкарика, который раскрыл над собой спасительный парашют клетчатого зонта, было нанизано на жесткую невидимую ось моего взгляда и вожаемой удачи.

Виктор двигался по направлению к Московской вдоль непрерывного ряда продовольственных и промтоварных магазинов. У винно-водочного кучковались подвыпившие граждане. Я слегка замедлила шаг, ожидая, когда Виктор преодолеет броуновское движение этих пьяных молекул.

Благополучно миновав эту человеческую пробку, мой подопечный прибавил скорость. Я мгновенно среагировала и, выйдя на дорогу, одним махом догнала его. Дождь усилился, ветер наотмашь бил по моим горячим щекам. Вот и остановка. Троллейбуса пока не видно, но, слава богу, имеется навес. Я затесалась в толпу, не упуская из виду мужчину в синей куртке.

Положим, Синчугова отдала документы этому самому Виктору. А этот виноватый интеллигентик их проморгал. Если Виктор не врет и если он сделал по-настоящему разумный вывод из услышанного разговора между Лысенко и его абонентом, то нынешний обладатель бумаг – Лысенко, вне всякого сомнения, коллега Виктора.

Эти двое работают в редакции, стало быть – журналисты. Зачем Синчугова отдала документы Виктору? Свести счеты с Гарулиным она могла бы и сама, изрядно пошантажировав его. Но, вероятно, гнев отвергнутой любовницы толкнул ее к более радикальному плану мести. Неужели она с помощью журналиста хотела разместить в прессе разоблачительный материал на Гарулина? Отважиться на такое может далеко не каждый. Внушает ли доверие Виктор? Может, он сам не прочь сорвать куш и нагло врет Синчуговой, что документы украдены.

Судя по тому, что услышал Виктор, стоя под дверью кабинета, где Лысенко, воспользовавшись обеденным отсутствием сослуживцев, разговаривал по телефону, последний кого-то шантажирует. Скорее всего этот «кто-то» Гарулин. Он может потерпеть полное фиаско, если документы попадут в печать, и заплатить щедро, чтобы этого не произошло.

Первое, что надлежит сделать...

Толпа граждан шатнулась к подъехавшему троллейбусу. Мне едва не прищемило дверью голову. Благодаря акробатической выучке удалось кое-как приткнуться на подножке, где я, как цапля, стояла на одной ноге. Теперь, согласно идиотским правилам, я должна буду выходить и входить обратно, пропуская ошалело плюхающихся на тротуар соплеменников.

На следующей остановке я была прямо-таки вышиблена из троллейбуса шквалом беспорядочно вываливающихся людей, но, к моей великой радости, среди этой человеческой лавины находилась до боли знакомая синяя куртка.

Стоило ждать троллейбус из-за десяти минут ходьбы!

Оказавшись на тротуаре, я сделала вид, что что-то ищу в своих карманах. Пройдя метров пятьдесят, Виктор распахнул дверь и стремительно вошел в одно из тех зданий, придававших своеобразную архитектурную физиономию бывшему проспекту Ленина, ныне улице Московской, в котором размещалось огромное число офисов и контор. Он ловко прошмыгнул мимо дежурной, бегло показав ей пропуск, и стал подниматься по черной, в чугунных кружевах и с деревянными перилами, широкой лестнице.

Я оторопело замерла на месте. Потом, подумав, что целесообразней обратиться за справкой к «консьержке», наклонилась к оконцу, дабы расспросить сухощавую пожилую женщину с лицом, покрытым сетью морщин, перед которой висело табло с ключами. Она нервно оторвалась от газеты, которую читала, и подозрительно скосила на меня свои глаза.

– Добрый день, не подскажете, редакции каких газет здесь располагаются?

– Да одна только редакция и есть – «Тарасовские известия».

Скупно поблагодарив дежурную, которая, с трудом оторвав от меня изучающий взгляд, снова уткнулась в газету, я вышла на улицу.

Мне не пришлось даже рыться в памяти, как иные роются в записных книжках, чтобы вспомнить о Степане Сергееве, которого я неплохо знала еще со школьной скамьи.

Он работал главным редактором «Тарасовских известий». И теперь уже я извлекла из кармана куртки записную книжку и, открыв ее на букве С, нашла его рабочий и домашний телефоны. Дома его скорее всего нет – день рабочий.

Я подошла к телефону, опустила жетон, сняла трубку и набрала номер редакции. Когда на том конце провода юный алыт секретарши пропел: «Редакция „Тарасовских известий“» – я попросила к телефону Сергеева. Поинтересовавшись, кто его спрашивает, секретарша сказала: «Сейчас узнаю». Вскоре в трубке зазвучал теплый, мягкий баритон Степана.

– Танюша, сколько лет, сколько зим! – с восторженной радостью произнес Степан.

– Привет, Степа. Как жизнь?

– Бьет ключом, да все по голове. Шучу, конечно. У тебя как дела?

– Есть одна проблемка. Не могли бы мы встретиться, поговорить?

– Срочно, что ли?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Сейчас не могу, работы полно, давай вечером. Позвони мне часов в шесть домой.

– О'кей, Степа.

– Рад был тебя услышать.

– Чао, Степа, до вечера.

Я повесила трубку.

Нет сомнений, что Степан обрадовался моему звонку и перспективе встречи. Одно время, когда мы общались более тесно, он был ко мне очень даже равнодушен. Старая трогательная история, которая не при столь чрезвычайных обстоятельствах вызвала бы у меня приступ ностальгии и философской задумчивости. Тонким женским чутьем я уловила, что Степан все еще питает ко мне некий интерес, затаенное, не отменяемое временем и моим дурашливо-дружеским обращением влечение. Просто так зачеркнуть, видно, ничего не удастся.

Дождь кончился, мокрый асфальт лоснился, как блюдо с черной икрой, глазами луж лоя небо, деревья, дома.

Я шла вдоль пышных витрин и жалких лотков, у которых невеселые продавцы, казалось, не торговали, а бестолково дежурили.

Я заглянула в продуктовый магазин купить что-нибудь к обеду.

* * *

Домой я вернулась около трех, первым делом приняла душ. После блуждания под дождем горячая вода казалась раем.

Бросив на сковородку полуразмороженный антрекот, я открыла банку фасоли в томате. Она послужит отличным гарниром.

Когда с обедом было покончено, я прошла в гостиную и, нажав на пульт, включила телевизор.

Ровно в шесть я позвонила Степану. Конечно, сегодня днем я не сходя с места могла попросить его о небольшом одолжении, но решила все же встретиться с ним в непринужденной обстановке. Мне подумалось, после двух лет, в течение которых я не давала о себе знать, не очень вежливо и любезно будет вот так, с бухты-барахты, обратиться за помощью к приятелю.

Степан ждал моего звонка, после первого же гудка он взял трубку. Мы договорились, что он приедет через полчаса. Я натянула джинсы, заправила в них рубашку и, слегка подкрасив

глаза и губы, пошла на кухню запустить кофеварку. Минут через двадцать раздался звонок в дверь. На пороге стоял Степа.

За то время, пока мы не виделись, он почти не изменился. Тот же открытый взгляд широко посаженных голубых глаз, улыбка до ушей, жесткие русые волосы, солнечный набор веснушек, длинные неловкие руки, которые он не знал, куда деть.

В прихожей он достал из куртки бутылку «Ярила» – местной водки с перцем – и, отдавая ее на мое попечение, по-доброму рассмеялся.

– Знаю я твои богемные привычки, – деликатно, но настойчиво высвободилась я из его дружеских объятий и направилась на кухню, поставить бутылку в холодильник. – Проходи, дядя Степа, будь как дома, – весело кинула я на ходу, вспоминая школьную кличку.

Он надел тапочки и, довольно потирая руки, отправился за мной следом.

– А на закуску, Тань, что предложишь? – своей бесшабашной манерой общения Степа пытался побороть свою природную застенчивость.

– Не переживай, сейчас все будет! Огурцы, селедочка, салат мясной... Устроит тебя?

– Еще как устроит, – он сел на табурет и вскинул на меня глаза, опущенные длинными светлыми ресницами.

Да, совсем не изменился, если не считать дополнительных тонких морщинок у этих молодых весенних глаз.

Достав охлажденную водку и водрузив ее в центр накрытого стола, я села напротив Степы.

– Ну, по маленькой, – провозгласил Степан. – За тебя, Танюша. Будь всегда молодой, красивой, умной, такой, какая ты есть.

Махнув рюмку, он занюхал черным хлебом и только потом принялся за соленькое.

Водка приятно обожгла рот, гортань, внутренности.

– Как семья, дети? – спросила я, насаживая на вилку тоненькое колесико сервелата.

– Да ничего, нормально. Ирина работает все в той же школе, только вот зарплату платят нерегулярно. Максим во второй класс перешел, а малышка в садике.

– А на работе все в порядке?

– В относительном. Трудимся, так сказать, не покладая рук.

Степан налил по второй. Провозгласив тост за здоровье, он так же легко и быстро опрокинул эту дозу, весело потрепал меня по щеке.

– Нет, Таня, что ни говори, а старый друг лучше новых двух. Согласна?

– На все сто, – я дружески похлопала его по руке. – Степа, у меня к тебе небольшое дельце.

– Ждал-ждал... Особо не обольщался на твой счет. Так просто встретиться не можем, все дела какие-то.

Выпитые сто граммов настроили его на меланхолический лад, но, быстро сбросив флер печали, он улыбнулся. Несмотря на все его усилия казаться беззаботным, в этой улыбке я различила оттенок сожаления и даже горечи.

– Ладно, говори. Чего не сделаешь для хорошего человека!

– Степа, у вас в редакции Викторов много?

– Постой, кажется, два имеются, а что?

– Если два, то меня интересует тот, что невысок, худощав, с черными волосами и в массивных очках. Знаешь такого?

– Да, это Ларионов Витка, классный парень. А что это он тебя заинтересовал?

– Лучше не спрашивай. Производственная тайна. Ты мне прямо скажи, действительно парень неплохой?

– Ой, Тань, в наше время таких единицы. Деловой, талантливый, честный, пунктуальный. Только в последнее время он каким-то суетливым стал, озабоченным, забывчивым. Ну, это

бывает. А так, говорю, отличный мужик, всегда в работе, а репортажи какие интересные, да меткие, да хлесткие делает. Мы его втихаря Робеспьером зовем. Чист, неподкупен. Хотя иногда его занудство выводит из себя. Должна же быть в бочке меда хоть одна ложка дегтя.

Степа щелкнул языком и налил в третий раз.

Я внимательно слушала его, поставив локти на стол и подперев руками голову, в которой из-за паров алкоголя мысли уже начинали превращаться в горячее облако ватной глухоты.

– А некий Лысенко что собой представляет? Знаешь такого?

– Как не знать. Во-первых, он школьный приятель Ларионова, Витек мне его и рекомендовал. Но ты знаешь, у меня к этому парню, честно говоря, душа не лежит, очень уж он себе на уме. Такое ощущение, что он тебя подсиживает негласно. Вообще-то юркий, хваткий, но замкнутый и, я бы сказал, недобрый, завистливый. Да и сама его внешность о многом говорит. Маленький, неказистый, глазки хитрые, жадные пальцы дрожат.

Степа прищурился, как бы стараясь вызвать в памяти доподлинный образ Лысенко.

– Мастер ты, Степа, на портретные характеристики. Цены твоим наблюдениям нет.

– Правда, что ли? Рад, что сумел просвятить тебя. Так это все, о чем ты меня хотела спросить?

– Не совсем. Мне нужны адреса этих акул пера. Можешь мне в этом помочь? – я улыбнулась, вкладывая в свою улыбку все обаяние, на которое была способна.

– Колись, зачем тебе это надо? – он лукаво посмотрел на меня.

– Степа, а можно без расспросов? Просто скажи, сделаешь это для меня?

– Что, они в каком-то грязном деле замешаны? – не унимался Степан.

Меня уже начало раздражать его назойливое любопытство.

– Ни в чем они не замешаны, просто проверить надо на вшивость.

Моя довольно жесткая интонация наконец возымела желанное действие, сведя на нет роль «почемучки», на которую пару минут назад подвизался Степа.

– Ладно, о чем речь, – Степан безвольно махнул рукой.

– По телефону ничего передавать не надо, завтра я, скажем, часов в десять, зайду в редакцию, буду тебя ждать внизу, на проходной. Ты напиши все на бумажке, спустишься и передашь мне. Моя благодарность будет безгранична в пределах разумного, – пошутила я. – Ну как, идет?

– Вполне. Да это же сущая безделица!

Удовлетворенно шмыгнув носом, Степа предложил сгонять еще за одной бутылкой. Я категорически отказалась, сославшись на то, что и так уже дошла до кондиции. Степан с неохотой согласился и далее забросил удочку по поводу того, чтобы остаться у меня. Я усмехнулась с беззлобной иронией и отделалась шуткой:

– Дядя Степа, по-моему, с этим мы давно все решили. Не нужно возвращаться к прошлому. Разве дружба так уж мало стоит?

– Тань, убеждать ты всегда умела, как и уходить от ответа, но сама понимаешь, любой мужчина в подобной ситуации будет, как утопающий, цепляться за соломинку, чтобы все начать сначала.

– Я тебе сочувствую, Степа, но...

– ...помочь ничем не можешь, – на свой дружелюбно-ностальгический манер закончил Степан мою отрезвляющую реплику и смиренно подытожил: – Ну ладно, объявляю вопрос закрытым.

– Вот и славненько, к чему нам лишние проблемы? – довольно цинично сказала я.

Прошло еще часа два, прежде чем Степан решил откланяться. В прихожей, уже одевшись, он никак не мог выпустить меня из своих объятий, бормоча комплименты и слова признательности. Захлопнув за ним дверь, я облегченно вздохнула. Завтра Степан будет как стеклышко и избавит меня от потока обольщающих речей.

Я убрала со стола остатки прежней роскоши, поставила порожнюю бутылку в мусорное ведро.

Итак, срочно нужно произвести два обыска: для профилактики – у Ларионова и исходя из соображений логики – у Лысенко. Оба работают, значит, в течение дня их квартиры будут в моем распоряжении. И тот и другой одиноки, на сей счет Степан также просветил меня. Подружка Лысенко живет самостоятельно, а Ларионов, этот, по выражению Степы, червь журналистики, наверное, не обзавелся семьей, чтобы ничто не могло помешать его звездной карьере.

Перелистывая привезенный из Парижа альбом с цветными фотографиями достопримечательностей, я предавалась сладким и мучительным воспоминаниям. Кто бы мог подумать, что, приехав в Тарасов, я попаду, что называется, с корабля на бал. Железный обруч, сдавивший мою голову, заставил меня принять аспирин. Я решила лечь пораньше, ведь завтра нужно быть внимательной и сосредоточенной.

* * *

Всю ночь по стеклам стучал дождь, и утром, выглянув в окно, я увидела такое же, как вчера, покрытое серыми тучами небо, унылые крыши частного сектора, мокрые, вскоченные ветром ветви и на них жалких нахохленных воробьев. Взглянула на часы: ровно девять. Хотела принять душ – не тут-то было, на тебе, горячую воду отключили. Зато холодная вода живо разбудила меня, колюче смыв с лица остатки приятной утренней дремы.

Приведя себя в порядок, я занялась завтраком. Проглотила пару бутербродов с сыром и, запив их кофе, сполоснула посуду. В подъезде с оглушительным грохотом открывались и закрывались тяжелые железные двери.

Первая фаза этого несносного хлопанья и скрежета приходилась примерно на семь-восемь часов, вторая – на девять-десять, обычно в это время домохозяйки и пенсионеры отправлялись штурмовать магазины, собесы, аптеки.

Я оделась по-походному: джинсы, джемпер. Сделала легкий дневной макияж и, нацепив «харлейку», провела смотр ключам и отмычкам, распотрошив висевший в прихожей рюкзак. Все на месте, «макаров» тоже при мне.

Я вышла на лестничную площадку и, закрыв за собой стальную дверь, изготовленную по спецзаказу фирмой «Кайзер», сбежала по ступенькам, не дожидаясь вечно занятого лифта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.